

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 947.081(571.6)+951.91.08

С. Ю. Вradий

«КАРТА РОССИИ (АГУК ЁДЖИДО)» — ПЕРВОЕ КОРЕЙСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРИМОРЬЯ. ЧАСТЬ 1

Географическая карта является неоценимым источником сведений из различных областей человеческой культуры. Она не только фиксирует местоположение объектов на земной поверхности, но и свидетельствует об уровне развития науки, мастерстве художественного исполнения, показывает состояние общественных отношений. Карта может быть использована при анализе культурных обменов между регионами, для изучения истории взаимоотношений государств. Картографирование местности является важным компонентом ведения разведывательной деятельности.

Карта отражает уровень накопленных знаний и традиционное видение окружающего мира. В восточноазиатских странах, испытавших культурное воздействие Китая, в древности было принято изображать мир плоским, прямоугольной формы, основываясь на концептуальном представлении о том, что «сфера небес — округла, а земля — плоская». Несмотря на то что картография в Китае развивалась независимо от европейских традиций, уже карты времен династии Западная Хань (206 г. до н.э. — 25 г. н.э.) по детальности и характеру изображений сравнимы с топографическими. По точности они иногда даже превосходят более поздние европейские карты. Китайские картографы неизменно пользовались прямоугольной сеткой координат, которую впервые применил великий китайский астроном и математик Чжан Хэн 张衡 (78–139 гг. н.э.).

Корейская картография, воспринявшая традиции Китая, в период правления династии Чосон (1392–1897) находилась на весьма высоком уровне. Составление карт считалось важным государственным делом и носило систематический характер. Среди известных образцов можно назвать рельефную географическую карту Кореи Тэдон Ёджидо 大東輿地圖. Вырезанная в 1861 г. из дерева выдающимся географом Ким Чжон Хо 金正浩 (ок. 1804–1864) в традиционном стиле с использованием известных на тот момент картографических методов, она считается одной из самых подробных карт Корейского полуострова. Карта выполнена в масштабе 1:160000 и является, пожалуй, са-

Рис. 1. Титульный лист «Карты России» [1].

мой большой (высота 6,7 м, ширина 3,8 м) рельефной картой Кореи. Занесена в список объектов национального достояния.

«Карта России» Агук Ёджидо 俄國輿地圖 — первое описание российского государства, предпринятое в Корее, — свидетельствует о том, как, стремясь избавиться от многовековой опеки Китая, вмешательства со стороны Японии, королевский двор начинал укреплять свои взаимоотношения с Россией.

Карта в единственном экземпляре хранится в историко-географическом разделе библиотеки Чансогак 藏書閣 (инвентарный номер 2-4611) Академии наук корееведения (г. Соннам, Республика Корея). В сложенном виде она представляет собой альбом, изготовленный в традиционном стиле по ее размерам. Десять сложенных вдвое листов карты, а также два листа с оглавлением и комментариями склеены «гармошкой» один за другим. Пагинация отсутствует. Размеры развернутого листа карты согласно разным источникам составляют 35,5–35,8 × 27,1–27,3 см.

Титульный лист оранжево-апельсинового цвета (рис. 1), в левом верхнем углу на специальной этикетке вертикальной строкой написано: «Карта России». Ниже следует подзаголовок: «Дополнительно [изложено] состояние российско-китайских отношений, [численность] войск охраны границ, количество нашего народа¹, сопоставлена пограничная линия». На титульном листе имеется старый инвентарный номер (1391/54). Последняя проверка и осмотр документа, как свидетельствует пометка-вклейка, были сделаны в 2005 г.

¹ «Наш народ» 我民 — имеются в виду корейцы, начавшие заселять юг российского Приморья с 1860-х годов.

За титульным листом идет оглавление, где в той же последовательности, что и на страницах карты, перечислены названия 29 основных поселений и районов с указанием количества дворов и числа жителей. На десяти листах карты нанесены символические изображения жилых домов, общественных зданий, складов, арсеналов, церквей, кораблей, мостов, изображены линия электрической связи, примитивные схемы военных укреплений, портовое хозяйство. Линиями красного цвета прочерчены дороги. Отображены также рельеф местности, лесная растительность, безлесные участки, горные хребты, реки, озера. Обозначены селения, где проживали русские, а где — корейцы, местные жители. Рисунки выполнены символически примитивно, без претензий на художественность. Перспектива отсутствует. Все нанесенные на карту объекты раскрашены в черный, красный, а также светлый и темный оттенки синего, зеленого, коричневого цветов. Сохранность листов удовлетворительная.

Легенда карты, т. е. перечень условных знаков и пояснений, отсутствует, не обозначены и стороны света. Очертания рельефа местности, береговой линии, прибрежные острова нанесены неточно, приблизительно, а иногда неверно. Есть местности, обозначенные гипотетически, подобия которых трудно отыскать в действительности. Причиной, вероятно, может быть то, что составители карты, недостаточно осведомленные в геодезии, не отличали расспросные сведения от основанных на съемках с помощью хороших инструментов для астрономического определения места и описаниях. Следует заметить, что топографические планы, или, точнее, землемерные съемки, известны в Корее с давних времен. Они были необходимы при сборе податей с земельных участков, что требовало точного знания их границ.

На полях карты, в дополнение к географическим изображениям, имеются рукописный текст и пояснения, выполненные аккуратным каллиграфическим почерком тушью при помощи кисти. Можно рассмотреть дополнения и поправки к тексту, нанесенные тушью черного цвета. Текст карты написан китайскими иероглифами, принятыми среди образованных людей не только в Китае, но и в Корее, Японии. Встречаются, однако, и иероглифы, которые невозможно найти в китайских словарях — они были распространены только в Корее; это свидетельствует об употреблении составителями документа *ханмуна*, корейзированной версии китайского языка.

Несмотря на название «Карта России», предполагающее описание обширной Российской империи, на самом деле на ней обозначены лишь дальневосточные земли российского Приморья, куда с 1860-х годов стали переселяться корейцы.

Исходя из данных, приведенных на карте, непросто определить размеры и точное расположение указанных населенных пунктов. Географическую идентификацию затрудняет имевший место традиционный тип расселения корейцев: на карте обозначалась занимавшая обширные площади обрабатываемая сельскохозяйственная территория, которую трудно сопоставить с нынешними географическими единицами. Дополнительную сложность создают неоднократные переименования населенных пунктов, переселения жителей.

Завершает альбом-карту страница с текстом под названием «Предисловие с комментариями к карте Китая и России [и замечками] о состоянии дел», подписанным именами Ким Гван Хуна 金光薰 и Син Сон Ука 申先郁.

Карта была обнаружена относительно недавно. Научному сообществу о ней впервые поведал в 1972 г. профессор Ю Ён Бак [2]. В 1994 г. фотокопии листов карты были опубликованы во втором томе «Сборника материалов по корееведению» вместе с ра-

дом других документов, посвященных ранней истории российско-корейских и китайско-корейских отношений [1]. Текст сопровождался научными комментариями известного исследователя истории взаимоотношений России и Кореи, профессора Ханьянского 漢陽 университета Син Сын Гвона 辛承權 [3].

В 2007 г. факсимиле Агук Ёджидо было опубликовано отдельной книгой в издательстве Академии корееведения [4]. Перевод текста с китайского языка на корейский и комментарии к нему выполнены сотрудником библиотеки Чансогак д-ром Ли Ван Му [5].

Идентификацию рукописи затрудняет то, что отсутствует колофон, т.е. не указано, кем и когда она была составлена. Поэтому исследователи пытались определить авторов и дату создания карты опосредованно, на основании имеющихся в тексте упоминаний тех или иных событий с учетом дополнительных данных и принятой в странах дальневосточного региона системы летосчисления по 60-летним циклам.

Чтобы точнее идентифицировать карту, кратко охарактеризуем время, на которое предположительно пришлось ее появление. Вторая половина XIX в. стала важным периодом в истории российско-китайских и российско-корейских отношений. Подписанные в 1858 г. Айгуньский и Тяньцзиньский договоры, Пекинский договор 1860 г. очертили восточные рубежи русско-китайской границы. Тогда же был обозначен и небольшой по протяженности участок российско-корейской границы. Пекинский договор гласил: «...Граничная между двумя государствами линия от истока реки Сунгача пересекает озеро Ханкай и идет к реке Бэлэнхэ (Тур), от устья же сей последней — по горному хребту, к устью реки Хубиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекою Хунчунь и морем, до реки Тумыньцзян. Здесь также земли, лежащие на восток, принадлежат Российскому государству, а на запад — Китайскому. Граничная линия упирается в реку Тумыньцзян на двадцать китайских верст (ли) выше впадения ее в море» [6, с. 35].

Корейское правительство уделяло определенное внимание своим северным рубежам. Однако факт подписания российско-китайского договора, по всей видимости, не был вовремя доведен до сведения королевского двора китайскими переговорщиками, традиционно считавшими Корею своей зависимой территорией. Да и разграничение по реке Туманган оказалось, по свидетельству южнокорейского исследователя, неожиданным для королевского правительства [3, с. 38]. Между тем насущной потребностью для вновь обретенных Россией дальневосточных территорий являлось скорейшее увеличение численности населения, которое способно было бы разрешить проблему недостаточного продовольственного снабжения. Понимая это, российские власти способствовали тому, чтобы корейцы активно разрабатывали плодородные приморские земли, снабжая сельскохозяйственными продуктами войска и местные рынки. С этой целью вновь переселившимся корейцам, в большинстве своем обездоленным и нищим, выдавались зерно, орудия обработки земли, тягловый скот, выделялись участки для возделывания [7, р. 9].

Одновременно в правительственных кругах России рассматривался вопрос о подписании мирного договора с Кореей, одним из пунктов которого должна была стать регламентация приграничной торговли и правил проживания этнических корейцев на российских землях². Летом 1884 г. русско-корейский договор о торгов-

² Министр путей сообщения К. Н. Посьет (1819–1899) писал в 1874 г. в меморандуме правительству: «Как Приморская, так и Амурская области терпят недостаток в хлебе, рогатом скоте и рабочих руках. Все эти нужды уменьшились бы в значительной степени, если бы эти области были в надлежащих сношениях с Кореей. Необходимо войти в переговоры с этим государством и заключить с ним торговый дружествен-

ле был подписан, однако вышеназванные важные вопросы не нашли в нем отражения³.

В 11-й месяц 21-го года правления короля Коджона 高宗 (1864–1907), носившего по традиционной системе летосчисления наименование года Капсин (1884 г.), в Корее произошла попытка переворота, после подавления которой усилились позиции Китая. При этом, как и прежде, стремилась проникнуть в страну Япония. Король Коджон, напуганный перспективой перерастания японо-китайских противоречий в вооруженный конфликт на территории Корейского полуострова, стремился найти противовес посягательствам Японии и избавиться от назойливого вмешательства во внутренние дела со стороны Китая. Определенные надежды на будущее своей страны Коджон связывал в этот период с Россией. Являясь, по представлениям корейского двора, более мощной державой, нежели Китай и Япония, Россия могла также послужить установлению баланса в противостоянии Кореи колониальным притязаниям стран Запада.

Вышеназванные мотивы⁴ побудили короля Коджона вскоре после переворота года Капсин тайно направить в российское Приморье⁵ высокопоставленных государственных чиновников Квон Дон Су 權東壽 и Ким Ён Вона 金鏞元, которых сопровождали Ким Гван Хун 金光薰 и Син Сон Ук 申先郁. Исследователи полагают, что в ходе посещения миссией дальневосточных земель России и были собраны сведения, использованные при составлении карты.

Авторство документа корейские ученые единодушно приписывают Ким Гван Хуну и Син Сон Уку, исходя из того, что их именами подписано предисловие к карте. Известно о предполагаемых авторах немного. «Хроники правления Коджона» («Коджон Силлок») свидетельствуют об их «неясном происхождении». В документе также имеется запись о том, что поскольку они «вмешивались в разные дела», дабы «устранить нанесенный вред, были сосланы в дальние земли»⁶. Возможно, что этой ссылкой и стало пребывание будущих составителей карты в далеком российском Приморье.

Профессор Син Сын Гвон обнаружил в источниках упоминание о том, что в 1882 г. Ким Гван Хун и Син Сон Ук посетили Приморье [3, с. 39]; это, вероятно, и послужило причиной включения их в 1884 г. в состав делегации. Исследователи отмечают разночтения в исторических документах относительно времени возвращения предполагаемых авторов из России: в мае 1885 г. вместе с другими членами делегации [3, с. 39], в конце 1888 г. [5, с. 58].

Впервые примерную дату появления карты назвал профессор Ю Ён Бак 柳永博 в публикации 1972 г. Определяя по историческим источникам время пребывания Ким Гван Хуна и Син Сон Ука в российском Приморье, он предположил, что карта могла

ный трактат. Корея богата населением, хлебом и скотом. Перешедшие к нам, вопреки законам своей страны, корейцы — мирные поселяне и трудолюбивые хлебопашцы и охотно принимают христианство» [8, с. 59].

³ Подробнее о событиях, предшествовавших подписанию русско-корейского договора, см.: [9; 10].

⁴ Архивные материалы свидетельствуют о том, что дополнительным мотивом для отправки миссии было стремление Коджона ускорить ратификацию подписанного русско-корейского договора и дополнить его пунктами о сухопутной приграничной торговле [11, с. 86].

⁵ Посещение делегацией российского Приморья некоторые южнокорейские ученые связывают с историей так называемых «секретных русско-корейских договоров» 1885–1886 гг. Версии южнокорейских и западных исследователей по этому вопросу подробно рассмотрены в статье Т. М. Симбирцевой [12]. Архивный материал относительно визита корейской делегации приведен в монографии Б. Д. Пака «Россия и Корея» [11].

⁶ «Коджон Силлок» («Хроники правления Коджона»), 22 год (1885), 13.06. Цит. по: [5, с. 58].

быть создана во второй половине правления короля Коджона, т. е. начиная с 1880-х годов [2]. Профессор Син Сын Гвон в своих комментариях к тексту уточнил датировку, посчитав, что Ким Гван Хун и Син Сон Ук составили карту в 1885–1886 гг., после возвращения из России [3, с. 47–48]. Примерно этот же промежуток (1884–1886 гг.) указывает и д-р Ли Ван Му [5, с. 59].

Обратим внимание на немаловажную деталь в предисловии, которую исследователи почему-то не прокомментировали: «Последние 16 лет, останавливаясь в китайских и российских [землях], понемногу высматривали пограничные рубежи, допытывались о состоянии дел, [в итоге] составлена Карта и подготовлены наброски о тайно разведанном» («Карта России». Предисловие [1]). Указанные «16 лет» не позволяют понять, когда карта была завершена и представлена королевскому двору, но свидетельствуют о том, что временной промежуток сбора информации и составления ее был более длительным, нежели те 2 года, о которых пишут южнокорейские исследователи.

В тексте приводится упоминание о планируемом строительстве железной дороги, которая должна связать Владивосток с Уссурийском («Карта России». Сунхуанъин [1]). Начало возведению этого железнодорожного участка, как известно, было положено во время посещения Владивостока цесаревичем Николаем Александровичем весной 1891 г. Этим рубежом мы вправе ограничить верхнюю временную границу составления документа.

Разнообразные, иногда противоречивые данные о сроках пребывания предполагаемых авторов карты в Приморье и времени возвращения их в Корею требуют более осторожного подхода к вопросу об авторстве и датировке документа. Учитывая приведенные доводы, время составления карты, по нашему мнению, следует отнести к 1880-м годам. Уточнить сроки и авторство документа позволит дальнейшая кропотливая работа с архивными материалами.

Анализ текста карты свидетельствует о том, что составители больше внимания обращали на крупные российские поселения, нежели на разбросанные деревеньки корейцев. При этом тщательно фиксировались наличие гарнизонов, их военное состояние, укрепления, количество и расположение артиллерийских орудий, число регулярных войск, их принадлежность, военные коммуникации. На военные цели составления карты указывал первый исследователь документа профессор Ю Ён Бак [2, с. 20].

О разведывательных задачах миссии подробно повествует в своих комментариях д-р Ли Ван Му, настаивая на преимущественно военной цели составления карты. При этом собрать столь подробные сведения самостоятельно Ким Гван Хуну и Син Сон Уку было не по силам. Существенную помощь, по мнению исследователя, оказывали им проживавшие в Приморье корейцы, создавшие разветвленную «сеть информаторов на местах», которые начали собирать конфиденциальные сведения оборонительного характера задолго до появления корейской миссии в России [5, с. 61]. Отметим, что на карте приводятся сведения разведывательного характера не только о России, но и о пограничных территориях Китая. Например, о системе командования и состоянии военных укреплений приграничного Хуньчуньского гарнизона: «На востоке и западе [расквартировано] несколько воинских частей *ин*⁷. На западе пятью *ин* командует уроженец провинции Хунань *тунлин*⁸ Го. Восточными частями команду-

⁷ *Ин* 營 — части знаменных войск во времена правления маньчжурской династии Цин (1644–1911).

⁸ *Тунлин* 統領 — командующий несколькими воинскими частями *ин*.

ет выходец из Итунхэ, что в провинции Цзилинь, *цзунтунлин* И. Что касается набора людей для вспашки целины и несения воинской службы, то этим ведает Ли Цзинъюн, уроженец Уси из провинции Цзянсу, исполняющий обязанности начальника области и одновременно управляющий вопросами образования Цзилинь. Фортификационные сооружения воинских частей крепки, военная охрана очень строга» («Карта России». Хуньчунь [1]).

Не менее важной, по нашему мнению, задачей миссии, которой д-р Ли Ван Му отводит второстепенное место, был сбор сведений о проживавших в Приморье корейцах. Исследование процессов, которые сегодня принято называть миграционными, включало изучение жизни и быта корейских переселенцев. Следует учитывать, что незаконно пересекая порубежную р. Туманган корейцы становились нарушителями королевских законов — за это полагалась смертная казнь [7, р. 11]. Ситуация изменилась к концу XIX в. Признавая факт присутствия корейцев за границей, правительство намеревалось извлечь из этого определенную выгоду. При описании корейских селений аккуратно фиксировались число дворов, количество корейских жителей и площадь прилегающей территории. Экспедиция, как сообщается в оглавлении, насчитала «всего 29 поселений», начиная от Лутуньдао, что вблизи российско-корейской границы, и на север до Шамоли, в которых было «2640 дворов с общим числом жителей 20 313 человек» («Карта России». Оглавление [1]).

Описание каждого селения начинается с его географической привязки к местности, с указанием расстояния в *ли*⁹ до ближайших или наиболее крупных селений. Приводятся количество семей-дворов, число проживающих корейских переселенцев, описываются предметы местного промысла, производства, указывается, что выращивалось на прилегающих землях, насколько они плодородны, что вылавливалось в близлежащих водоемах.

Начальные строки текста карты (рис. 2) описывают Лутуньдао (кор. Ноктундо, рус. Красное Село), первое пограничное поселение на территории России: «На 70 ли с юга на север и на 30 ли с востока на запад [раскинулась] обширная, невспаханная равнина с [пригодными для] сельскохозяйственной [обработки] плодородными землями. На расстоянии 30 ли к югу [расположено селение] Сишуйло, 15 ли на запад — Цзаошаньбао, 100 ли на северо-запад — Цинсинфу, 70 ли на север — Жуйсяньцзэ. На западе [земли] огибает [река] Доуцзян, на востоке [они] выходят к океану» («Карта России». Лутуньдао [1]). Вышеприведенная цитата, относящаяся к описанию российской пограничной территории, побудила д-ра Ли Ван Му обратиться к вопросу об исторической принадлежности земель Кореи, о чем он подробно рассказывает в своих комментариях [5, с. 62–65].

Корея издавна страдала от недостатка плодородных земель, пригодных для выращивания сельскохозяйственных культур. Сразу за рекой, на российской территории, находились обширные, плодородные угодья. Об этом постоянно напоминают авторы, описывая Приморье. Там проживают корейцы, которые, по словам составителей, не платят налогов ни корейскому правителю, ни русскому царю, но при этом «соблюдают нравы и обычаи родной страны... не забыли милости правящей династии, несколько сот лет вскармливавшей» их («Карта России». Лутуньдао [1]).

Для членов миссии была важна многократно отмеченная в тексте приверженность корейских переселенцев традиционной культуре, преданность своему правителю.

⁹ *Ли* 里 — мера длины; одна корейская *ли* (миля) равняется 0,393 км, китайская — около 0,516 км.

Рис. 2. Лист «Карты России» с изображением пограничной р. Туманган [1].

Категоричность данного утверждения (иного, впрочем, и нельзя было ожидать от официальных представителей правящего корейского дома) могут поставить под сомнение свидетельства других авторов. Так, американский исследователь А. Малоземов пишет о том, что переселившиеся «корейцы с готовностью перенимали обычаи и язык русских» [7, р. 11].

Условия жизни и быта корейских поселенцев на российской территории были описаны известной путешественницей и талантливой писательницей Изабеллой Л. Бишоп (*Isabella Lucy Bird Bishop*, 1831–1904), которая с 1894 по 1897 г. совершила четыре путешествия по Корее. Посетив близлежащие территории Маньчжурии, Сибири, Дальнего Востока, она живописно отразила свои впечатления в книге «Корея и её соседи», опубликованной между китайско-японской и русско-японской войнами и имеющей несомненную ценность для изучения новой истории Кореи и сопредельных государств [13]. Приведем описание корейских деревень и их жителей в российском Приморье, данное путешественницей:

«Большинство жилищ имели по четыре, пять, а то и шесть комнат, стены и потолки покрыты бумагой, причудливо украшенные двери и окна с вправленной полупросвечивающей бумагой, покрытые циновками полы, мебель, которую не всегда увидишь даже в богатых домах Кореи. Шкафчики с выдвижными ящиками, бюро, коробка под рис из резного дерева с причудливыми латунными украшениями, невысокие столики, стулья, диванные подушки, латунные самовары, буфеты с набором медной посуды, латунные чашки, фарфор, посуда для чая, медные подсвечники, латунные керосиновые лампы и изобилие прочей утвари служили свидетельством благополучия.

Во многих жилищах картины царя и царицы, Христа, греческих святых, оправленные в рамки лики христианских святых заменили мазню, изображающую семейных демонов. За дверью: амбары полные зерна, лошадки, кобылы с жеребятками, черные свиньи улучшенной породы, тягловый скот и скот на откорм, предназначенные для Владивостокского рынка, — все это вместе с повозками и сельскохозяйственным инвентарем свидетельствовало о солидном материальном достатке. Невозможно путешественнику встретить большее гостеприимство и столь чистое и приспособленное жилье, чем встретила я в этих корейских домах» [13, р. 235].

Замечательный русский путешественник Н. Г. Гарин-Михайловский (1852–1906), посетивший в 1898 г. в ходе кругосветного путешествия российское Приморье, Корею, Маньчжурию, высоко оценивал моральные качества, миролюбие корейцев. Он писал в дневниковых заметках: «Был в школе деревни Подгорской¹⁰. И учитель, и ученики — корейцы... Дети усердны и все поразительные каллиграфы. И к остальным наукам, впрочем, корейцы очень способны... Из рассказов, между прочим, выясняется, что русским корейцам живется гораздо лучше, чем их братьям в Корее. Они говорят, что, если бы не запрещались переселения, вся Северная Корея перешла бы в Россию» [14, с. 86].

Хотя некоторые записи в тексте карты повествуют о якобы имевших место притеснениях в отношении корейцев со стороны российских властей, ее содержание свидетельствует о том, что корейцы обычно селились недалеко от российских охраненных постов, пограничных застав, защищавших корейские деревни от частых набегов банд хунхузов с китайской территории. Примеры разбоя, чинимого как китайскими хунхузами, «которые пересекали границу, чтобы грабить корейские деревни», так и полуголодным, обкрадываемым своими же офицерами маньчжурским воинством, «создавшим такой террор, что крестьяне вынуждены были бежать из своих жилищ по огромной территории», приводит в своей книге Изабелла Бишоп [13, р. 237–238]. Практически на всех листах карты обозначены российские охраненные посты пограничной стражи, заставы, которые располагались по соседству либо прямо в поселениях, где, как указано в тексте, «проживает наш народ», т. е. корейцы.

Русские войска защищали корейские деревни и от проживавших на территории российского Приморья аборигенных жителей — об этом также свидетельствует карта. Так, в описании корейской деревушки Доубихэ 都埤河 есть запись: «Прежде проживавшие [здесь] Ху¹¹ намеревались причинить вред нашему недавно переселившемуся народу. [Тогда русские] изгнали Ху, утвердив [в этих местах] наш народ¹². Для охраны вновь учредили пост, расположив 1000 военных поселенцев» («Карта России». Доубихэ [1]).

Аналогичная запись имеется и при описании местности Сучен 蘇城, где также проживали корейцы: «Первоначально здесь было 400–500 дворов Ху. Русские, полагая,

¹⁰ Пограничная деревня Подгорская (Подгорная) располагалась на российской территории в устье реки Туманган.

¹¹ Ху 胡 — общее название северных тунгусо-маньчжурских народов, проживавших на территории современного Приморья и Приамурья. Корейский исследователь считает, что в тексте упоминаются маньчжуры [5, с. 31].

¹² Между тем корейский перевод текста карты гласит: «[Тогда русские] изгнали Ху, утвердив [в этих местах] свой народ» [4, с. 49]. Корейский вариант перевода трактует 我民 как «свой народ», подразумевая «расселили» здесь русских, что, по нашему мнению, неверно, поскольку корейцы, авторы текста, не могли писать о русских как о «своем народе».

что [местные] намерены погубить наш народ, изгнали всех жителей Ху. А для того чтобы защитить наш народ, возвели лагерь, [разместив в нем] охранные войска» («Карта России». Сучен [1])¹³.

Литература

1. 江北日記. 江左輿地記. 俄國輿地圖 Kangbuk Ilgi. Kangzwa Jochigi. Aguk Yeojido = «Дневники [миссии на] северный берег реки». «Записи о землях, расположенных на левом берегу реки». «Карта России». 城南市 Seongnam-si = Соннам: 韓國精神文化研究院 Hankuk Jeongsin Munhwa Yeonguwon = Академия духовной культуры Кореи, 1994. 285 с.
2. 柳永博 Yu Yong Bak. 俄國輿地圖 Aguk Yeojido = «Карта России» // 國學資料 Kukhak Charyo. 1972, февр. С. 18–21.
3. 幸承權 Syn Seoung Kwon. 江左輿地記. 俄國輿地圖解題 Kangzwa Jochigi. Aguk Yeojido haeje = Комментарии к «Записям о землях, расположенных на левом берегу реки» и «Карте России» // 江北日記. 江左輿地記. 俄國輿地圖 Kangbuk Ilgi... Соннам, 1994 (см. выше). С. 38–51.
4. 俄國輿地圖 Aguk Yeojido = «Карта России». 城南市 Seongnam-si = Соннам: 韓國學中央研究院 藏書閣 Hankukhak Jungang Yeonguwon Jangseogak = Библиотека Чансогак Академии корееведения, 2007. 66 с.
5. 李旺茂 Li Wang Mu. «아국여지도»와 XIX 세기말 조선의 관방(關防)의식 = «Карта России» Агук Ёджидо и представления о защите границ в Корею в конце XIX столетия // 俄國輿地圖 Aguk Yeojido = «Карта России». Соннам, 2007 (см. выше). С. 58–65.
6. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Вост. лит., 1958. 139 с.
7. Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy, 1881–1904. Berkeley: Univ. of California Press, 1958. 358 p.
8. Посыет К. Н. Прекращение ссылки в Сибирь // Русская старина. XLIX. 1899, июль. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1899. С. 52–59.
9. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 899 с.
10. Syn Seoung Kwon. The Russo-Japanese Rivalry over Korea, 1876–1904. Seoul: Yuk Phub Sa, 1981. 215 p.
11. Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. 520 с.
12. Симбирцева Т. М. Из истории политической интриги в Корею: «тайные договоры» России с Кореей 1885 и 1886 гг. // Российское корееведение. Альманах. М.: Муравей, 2003. Вып. 3. С. 169–192.
13. Bishop I. L. Korea and Her Neighbors. A Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and Present Position of the Country. Seoul: Yonsei University Press, 1970. 488 p.
14. Гарин Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия (По Корею, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). 3-е изд., сокр. М.: Государственное издательство географической литературы, 1952. 445 с.
15. Кореяцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX — нач. XX в.): документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 308 с.
16. Аюшин Н. Б., Калинин В. И., Воробьев С. А., Гаврилкин Н. В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006. 336 с.

¹³ А вот как переводит этот отрывок корейский исследователь: «Русские, полагая, что [местные] намерены погубить их (?) народ, изгнали всех жителей Ху. А для того чтобы защитить свой (!?) народ, возвели лагерь, [разместив в нем] охранные войска» [4, с. 49]. Здесь также присутствует неправильная, на наш взгляд, трактовка термина 我民 в корейском переводе текста карты как «их народ», «свой народ», т. е. русские.

17. *Yoon Hong-key*. The Culture of Fengshui in Korea: an Exploration of East Asian Geomancy. Oxford: Lexington Books, 2006. 331 p.
18. Ингемансон Биргитта М. Космополитический Владивосток: шведские отблески, 1908–1923 // Рубеж. 2003. № 4 (866). С. 273–278.
19. Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Изд-во «Уссури», 1990. 302 с.
20. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Л. 6–7 об.
21. Никольск-Уссурийский: страницы истории: документы и материалы / ред.-сост. Н. А. Троицкая и др. Владивосток: РГИА ДВ, 2003. 180 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.